

ПРОБЛЕМА ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ РУССКИХ И ВЕНГЕРСКИХ ПОСЛОВИЦ

Э. Лендваи

1. Адекватная словарная и переводческая передача пословиц затрудняется сложной взаимной обусловленностью их формы и содержания. Будучи устойчивым предложением, пословица заключает в себе, как правило, высказывание /логическое суждение/ как в прямом, так и в переносном смысле. Одновременное проявление двух смыслов, что происходит благодаря высокой степени мотивированности /структурной прозрачности/, обеспечивает пословицам яркую коннотацию, которую принято называть образностью¹. В силу такой двуплановости значения сравнительно редко встречаются пословицы двух языков /да и в рамках одного языка/, которые совпадают в двух указанных аспектах:

/1/ а <u>Не все то золото, что блестит.</u>	<u>Nem mind arany, ami fénylik.</u>
б. <u>Дареному коню в зубы не смотрят.</u>	<u>Ajándék lónak ne nézd a fogát.</u>
в. <u>Беда не приходит одна.</u>	<u>A baj nem jár egyedül.</u>
г. <u>Все хорошо, что хорошо кончается.</u>	<u>Minden jó, ha a vége jó.</u>
д. <u>Яблоко от яблони далеко не падает.</u>	<u>Alma nem esik messze a fájától.</u>

В специальной литературе отмечается, что пословицы такого рода возникают в разных языках в результате аналогичных черт культуры и/или заимствующих процессов². Передача этих пословиц на сопоставляемом языке не доставляет трудностей, поэтому их можно считать полными эквивалентами. При семантической компарации фразеологизмов пословичного типа³ полная эквивалентность составляет идеальный случай, одну крайнюю точку на шкале соответственности. Этот случай характеризуется, по меньшей мере,

совпадением переносного и прямого значений, следовательно, и совпадением образности, и параллельной синтаксической структурой. По более строгому подходу /абсолютные/ эквиваленты должны еще совпадать по стилистической принадлежности, эмоциональности, лаконичности и частотности⁴. Совпадение прямого значения предполагает наличие одинакового лексемного состава, а это в принципе влечет за собой и отсутствие в сопоставляемых пословицах национального колорита. Судя по жестким требованиям абсолютной эквивалентности, можно сказать, что абсолютных эквивалентов в системе пословиц не существует.

2. Практика двуязычной лексикографии⁵ устанавливает эквивалентные отношения между пословицами на основе сходства переносного значения. Это означает, во-первых, что между тремя основными компонентами существует иерархия /переносное значение -- прямое значение -- синтаксическая структура/ и, во-вторых, диапазон шкалы эквивалентности довольно широк. Рассмотрим показательные примеры в интерпретации Русско-венгерского словаря:

/2/ а. <u>Век живи -- век учись.</u>	<u>Jó pap holtig tanul.</u>
б. <u>В тесноте, да не в обиде.</u>	<u>Sok jó ember megfér kis helyen. /tkp szűken, de nem veszekedve/</u>
в. <u>Цыплят по осени считают.</u>	<u>Nyugtával dicsérd a napot. /tkp ősszel számolják össze a csirkéket/</u>
г. <u>Первый блин комом.</u>	<u>Minden kezdet nehéz /tkp az első palacsinta gombócnaк sikerül/</u>
д. <u>Своя рубашка ближе к телу.</u>	<u>Minden szentnek maga felé hajlik a keze. /tkp a saját ing közelebb van a testhez/</u>

Такая практика является адекватной: устанавливает эквивалентные отношения между единицами двух языков, буквальным переводом исходной единицы как бы сопоставляет прямые значения, а

тем самым и семантические структуры. Цитируемый словарь пользуется данным приемом более или менее последовательно.

Существует немало случаев, когда в сопоставляемом языке нельзя найти пословиц сходного переносного значения. В подобных ситуациях двуязычные словари прибегают ко всякого рода преобразованиям и даже созданию "искусственных пословиц":

/3/ а. <u>Каша сама в рот не лезет.</u>	<u>Nem repül a szádba a sült galamb.</u> /tkp a kása maga nem mászik a szádba/
б. <u>Не всякое лыко в строку.</u>	<u>Nem kell a kákán is csomót keresni.</u> / \emptyset /
в. <u>В Тулу со своим самоваром не ездят.</u>
<u>В Тулу самовар возить.</u>	/ \emptyset /
<u>A Dunába vizet hord.</u> /tkp Tulába szamovárt szállít/
г. <u>Лежачего не бьют.</u>	<u>A döglött oroszlánt nem dicőség rugdalni.</u> /tkp aki a földre bukott, azt már nem szokták ütni/
д. <u>Нет худа без добра.</u>	<u>Minden rosszban van valami jó.</u> / \emptyset /

Венгерские поговорки Várja, hogy a sült galamb a szájába repüljön/sült galambra vár 'пассивно ждать улучшения' описывают ту же ситуацию жизни, что и русская пословица в /3а/. Этот удобный случай был использован словарем для создания квази-пословицы. В /3б/ была проделана аналогичная процедура: поговорка kákán is csomót keres 'придираться, чинить препятствия' легла в основу новой пословицы, осуждающей выраженную в ней деятельность. В случае /3в/, в принципе, можно было бы так же поступить, словарь, однако, выбирает другое решение: дает аналог русской поговорки в Тулу самовар возить. Примеры же, данные в /3г-д/, являются преобразованными вариантами венгерских пословиц A döglött oroszlánt a szamár is megrugdossa.

'Человека, лишенного прежней власти, унижают даже ничтожные люди' и Minden j6ban van valami rossz is'. 'Во всяком приятном деле есть и плохое'.

Стремление словарей создавать новые пословицы отвечает принципу "пословицу переводить пословицей". Однако имеет ли право составитель словаря на такое лингвистическое новаторство? Нет ли возможности для передачи семантического содержания пословиц описательным путем? Существует мнение, согласно которому "в результате пересказа /описательной передачи -- Э.Л./ пословица перестает быть пословицей, потеряв свои отличительные черты: афористичность, образность, поэтический строй"⁶. Оказывается, в пословицах и форма содержательна. Пословица -- это слишком крупная единица языка для того, чтобы ликвидировать ее ради содержания. Высокая коммуникативная ценность пословицы именно в удачном сочетании назидательной мысли и поэтической формы.

Правда, не все пословицы характеризуются "особым ритмоинтонационным и фонетическим оформлением /параллелизм построения, стихотворный размер, звуковые повторы, рифма и т.п./"⁷. Это бросается в глаза в синонимических рядах, построенных из пословиц:

/4/ а. Все хорошо, что хорошо кончается.

б. Цыплят по осени считают.

в. Конец -- делу венец.

г. Minden j6, ha j6 a vége.

д. Nyugtával dicsérd a napot.

'Судить о чем-либо следует по окончательным результатам.'

Перечисленные примеры по-разному обладают признаками "пословичности". /4б/ и /4д/ лишены всякого рода поэтичности, они сформулированы "в прозе". /4а/ и /4г/ не имеют в своем составе конкретного /прямого/ значения, поэтому в них отсутствует коннотативный заряд. Лишь /4в/ совмещает в себе идеальные пропорции стандартной пословицы.

3. Можно найти более объективную аргументацию в пользу принципа "пословицу переводить пословицей", если обратиться к тексту. Оказывается, в тексте эксплицируются все наиболее существенные атрибуты пословиц⁸:

/5/ а. "Прощай, Петр. Служи верно, кому присягнешь и помни пословицу: береги платье снову, а честь смолоду."

/А. Пушкин: Капитанская дочка/

б. "Вот и я тоже. куда ни поеду, в театр ли, в клуб ли, всегда домой возвращаюсь. По русской пословице: в гостях хорошо, а дома лучше."

/А. Островский: Не от мира сего/

в. "Хоть ты теперь у меня и обученная, а все-таки храни старую нашу пословицу: "Век живи, век учись"."

/Мельников-Печерский: На горах/

Здесь, во-первых, отмечается особый статус "пословица". Атрибуты "русская", "наша" эксплицируют осознанную говорящими национальную принадлежность пословиц. Эпитет "старая" /часто "старинная"/ свидетельствует о том, что языковой коллектив воспринимает большинство пословиц как продукт предшествующих времен, продукт предшествующих поколений. С признаком "старая" тесно связан "народный" характер пословиц:

г. "Народ справедливо говорит: на Бедного Макара все шишки валятся. Все эти события могли действительно одно за другим навалиться на Шошина."

/М. Бубенов: Белая береза/

В текстах часто всплывает на поверхность "мудрый", "справедливый" характер пословиц, которым подчеркивается, что они воспринимаются как правильные суждения:

д. "Друзья познаются в беде!" -- правильные эти слова, но к сожалению, далеко не все люди верно их толкуют."

/Ю. Лаптев: Путь открыт/

- е. "В Петербурге апельсины и лимоны дешевы, а в теплых землях совсем ничо чем... Правду пословица говорит: за морем телушка -- полушка, да рубль перевоз."

/М. Салтыков-Щедрин: Пешехонская старина/

Наглядный материал убеждает: пословицы являются своеобразными цитатами, поэтому они нередко ставятся в кавычках /см. /5в, д/. Кроме того, об этом свидетельствуют и обороты "народ справедливо говорит", "правду пословица говорит" и весьма ходовые "говорят", "часто говорится", "как говорится в пословице" и т.п.

Приведенные факты говорят о том, что передача пословиц не может решиться в рамках предложения, ибо в тексте до их употребления вводятся лексемы, словосочетания, дающие знать о "приближении" пословиц. Эти слова-индикаторы требуют осуществления передачи на уровне текста.

Слова-индикаторы выступают в тексте не только до, но и после пословиц. Они, однако, совершенно другого характера, нежели те, что характеризуют статус пословиц:

- /6/ а. "Я очень тихим-то не верю. Знаешь пословицу: в тихом омуте....?"

/А. Островский: Сердце не камень/

- б. "На свои запросы инженеры ответа не получили. Говорят, молчание -- золото. В данном случае следовало бы добавить: потерянное."

/Правда. 10 дек. 1974/

- в. "Как говорится, на бога надейся, а сам не плошай. -- А мы разве плошаем? -- спросил Яворский... Что мы, сложа руки сидим все это время?"

/Э. Казакевич: Дом на площади/

- г. "... в районе Японского моря возник сильный циклон и с большой скоростью движется на север -- как раз в тот район, где работала экспедиция. В таких случаях гово-

рят: на ловца и зверь бежит. А "зверь" был редкостный и интересный."

/Комсомольская правда. 16 марта 1978/

В приведенных цитатах пословицы как бы подготавливают реплику говорящего, который, ссылаясь на пословицу, повторяет один из ее структурных элементов. В итоге получается, что компоненты внутренней формы пословицы выходят за ее пределы, создавая дополнительный аргумент в пользу принципа "пословицу переводить пословицей".

Существует еще одна причина для соблюдения указанного принципа, которая одновременно облегчает труд переводчика. Это -- наличие в окружении пословицы /обычно в последующих фразах/ семантизирующих моментов:

/7/ а. "И то надобно сказать: "все мы люди, все мы человеки", не без слабости."

/А. Писемский: Старая барыня/

б. "Не сразу, сынок, Москва строилась. И мы тоже не с того начинали, а все в мастера вышли. Ты подожди, подожди.

/Б. Горбатов: Мое поколение/

в. "Японская вежливость не приторна, и потому симпатична, и как бы много ее не было ... , она не вредит, по пословице -- масло каши не портит.

/А. Чехов: Остров Сахалин/

Как видно, совместное расположение пословицы и ее парафразы не является тавтологией. Из этого следует особая, ничем не заменимая функция пословицы: повышение эффекта высказывания.

Как переводческая, так и словарная передача пословиц пользуются средствами инновативного характера. Подобная деятельность мотивируется тем, что в пословицах семасиологические и ономасиологические начала образуют неразложимое единство.

Из этого явствует, что подавляющее большинство пословиц причисляется к неполным /частичным/ эквивалентам. Такое положение поднимает вопрос: существуют ли достоверные способы для измерения степени эквивалентности пословиц?

4. Для установления степени эквивалентности пословиц учитываются /в убывающем порядке/: 1. переносное значение, 2. прямое значение, 3. синтаксическая структура.

Для измерения степени эквивалентности применяется формула $\mathcal{E} = \frac{1,5A + K + 0,5C}{3}$, где \mathcal{E} -- показатель степени эквивалентности, А -- переносное значение, К -- прямое значение, С -- синтаксическая структура. Умножители 1,5; 0,5 выражают иерархическую ценность отдельных семантических компонентов. При выведении показателя степени эквивалентности мы исходим из следующей трихотомии. В случае тождества сопоставляемых компонентов придается величина в размере 100, в случае сходства /частичного тождества/ -- 50, а в случае различия -- 0. Рассмотрим показательный пример.

Пословицы Мал золотник, да дорог. и Kicsi a bors, de erős. полностью совпадают по своим переносным значениям и синтаксической структуре. Их соединяет общее переносное значение 'небольшой по величине, но ценный по своим качествам'. Обе пословицы имеют структуру сложносочиненного предложения с противительным союзом. Прямые значения полностью различаются, что связано с расхождением лексемного состава, следовательно -- с расхождением ситуаций, легших в основу двух пословиц. Таким образом, формула приобретает вид $\mathcal{E} = \frac{150 + 0 + 50}{3} = 83,33 \%$. Полученная величина показывает высокую степень эквивалентности. В то же время для пословиц, данных в /1/, характерен показатель степени эквивалентности в размере 100 %. Как было сказано выше /пункт 1/, они являются полными эквивалентами. Соответственно, для пословиц, показанных в /2/, характерны следующие пока-

затели: 66,66 % /а, б, в/ и 83,33 % /г, д/.

Применение формулы дает дискретные результаты в рамках известной схематизации. Другими словами, расчеты с помощью формулы не могут обойтись без дополнительных процедур по семантической компарации. Нельзя, например, оставить без внимания наличие в структуре пословиц, т.н. языковых реалий. Это именно те лексемы, которые обуславливают наличие/отсутствие национального колорита в пословицах. С этой точки зрения национально маркированными являются, к примеру, пословицы: Москва не сразу строилась., Москва от копеечной свечки сгорела., Язык до Киева доведет., На бедного Макара все шишки валятся., Терпи, казак, атаманом будешь., В Тулу со своим самоваром не ездят. Реалиями в данных пословицах считаются лексемы Москва, Киев, копеечная /свечка/, Макар, казак, атаман, Тула, самовар., Nem egy nap épült Buda vára., Egyszer volt Budán kutyavásár., Ha Katalin kopog, karácsony locsog., Meghalt Mátyás /király/, oda az igazság. Ahogy szokik Pali, úgy cselekszik Pál., Ha fénylik Vince, megtelik a pince. Слова Buda 'правобережная часть Будапешта, в старину: столица Венгрии', Katalin 'венгерское женское имя, имеющее общее происхождение с русским "Екатерина"', karácsony 'день рождества /24 декабря/', Mátyás király 'король Венгрии /1443--1490/', Pál 'венгерское мужское имя, восходящее к тому же корню, что и русское "Павел"', Pali 'краткая, непринужденная форма имени Pál', Vince 'венгерское мужское имя, имеющее то же происхождение, что и русское "Викентий"'.

Пословицы с национально окрашенной семантикой, на наш взгляд, могут иметь лишь аналоги в сопоставляемом языке. Согласно этому пословицы Москва не сразу строилась. и Nem egy nap épült Buda vára. хотя и выражают тождественное переносное значение, имеют сходное прямое значение и параллельную синтаксическую структуру, не признаются эквивалентами.

Под 3 пунктом было сказано о роли пословиц в создании по-

вышенного эффекта высказывания. Было видно, что с переводом смыслового содержания на семантический язык указанный эффект утрачивается /см. /7в/ -- без упоминания о пословице Масло каши не портит./ Для адекватного восприятия/использования пословиц говорящий/слушатель должен владеть соответствующей лингвистической и экстралингвистической компетенцией.

Лингвистическая компетенция, кроме упомянутой выше, сводится к знакомству с соответствующими языковыми реалиями, экстралингвистическая же -- с соответствующими внеязыковыми ситуациями. Компетенции двух типов взаимно обусловлены. Москва отражается в сознании русского человека /и подготовленного иностранца/ не только как 'столица СССР', но и как 'нечто огромное и значительное', а это позволяет осуществить перенос наименования "Москва" с одного значения на другое. Аналогичный перенос был осуществлен с помощью венгерского топонима Buda. Компетенция, связанная с пословицей Москва от копеечной свечки сгорела, основывается, кроме сказанного, на знании семантической связи между 'самая дешевая свеча' и 'нечто незначительное' /см. копеечная свечка/. Осведомленность подобного рода позволяет сделать выводы о 'существовании Москвы как значительного' и о 'существовании копеечной свечки как незначительного'. Эти суждения, собственно говоря, служат предпосылками для безупречного использования/восприятия анализируемых пословиц, поэтому выступают как пресуппозиции⁹. Прагматические знания 'в Москве в течение истории часто были пожары' и 'причиной пожара часто были свечи /в том числе и "копеечные"/' относятся ко внеязыковой ситуации и, безусловно, участвуют в создании экстралингвистической компетенции.

Примечания

1. Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова. Словарь-справочник лингвистических терминов. М., "Просвещение", 1976, с. 304.

- Ю.Е. Прохоров. Лингвострановедческое описание русской афористики в учебных целях. /Диссертация на соиск. уч. ст. кандидата филологических наук/. М., 1977, с. 17--18. Somhegyi Gy. Szerbhorvát és magyar frazeológiai egységek összevető vizsgálata /az állandósult szókapcsolatok rendszerezése a testrészekből keletkezett képződmények alapján/. Kandidátusi értekezés. Pécs, 1984, pp. 12, 17.
2. O. Nagy G. Magyar szólások és közmondások. 2. kiadás. Gondolat, 1976, pp. 10.
3. С. Влахов, С. Флорин. Непереводимое в переводе. /издание второе, исправленное и дополненное/ М., "Высшая школа", 1986, с. 252.
4. См. 3, с. 253.
- В этом отношении см.: Csige K. Orosz személyneves frazeologizmusok és magyar megfelelőik konfrontatív vizsgálata. Bölcsészdoktori értekezés. Debrecen, 1982, pp. 67--387.
5. Hadrovics L., Gáldi L. Orosz--magyar szótár I--II. 4. kiadás. Akadémiai Kiadó, Budapest, 1971. Hadrovics L., Gáldi L. Magyar--orosz szótár I--II. 5., változatlan kiadás. Akadémiai Kiadó, Budapest, 1974.
6. См. 3, там же.
7. См. 1, там же.
8. Иллюстративный материал взят из кн.: В.П. Фелицына, Ю.Е. Прохоров. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения /Лингвострановедческий словарь/. Под ред.: Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова. М., "Русский язык", 1979.
9. Kiefer F. Az előfeltevések elmélete. Akadémiai Kiadó, Budapest, 1983, pp. 36--38, 44.

При работе над статьей были еще использованы:

Фельдеш Ч. О межъязыковом сопоставлении фразеологических единиц на материале русского и венгерского языков. Slavica XXII. Debrecen, 1986, pp. 5--13.

Tatár B. A frazeológiai egységek szemantikai és grammatikai elemzése /a Krilov-mesék alapján/. Kandidátusi értekezés. Budapest, 1975.